

Пол Кобб

ИСЛАМСКАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

РЕЛИГИОЗНЫЕ
ВОЙНЫ В ВОСПРИЯТИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ
МУСУЛЬМАН

Пол Кобб

**Исламская история крестовых
походов. Религиозные
войны в восприятии
средневековых мусульман**

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

2014

УДК 297
ББК 86.38-3

Кобб П.

Исламская история крестовых походов. Религиозные войны
в восприятии средневековых мусульман / П. Кобб — ООО
«ГЕРМЕС БУКС», 2014

ISBN 978-5-9524-6572-5

В книге современного американского историка Пола Кобба отражены события эпохи крестовых походов в исламском контексте. Опираясь на подлинные арабские и сирийские источники, автор прослеживает этапы вторжения иноземцев в мусульманские владения на Сицилии и в Испании, затем на территории Сирии и Палестины. Рассказывая об утверждении франков на Святой земле, профессор Кобб описывает постепенное взаимопроникновение культур, а также исследует феномен почитания благородного сарацинского рыцаря Саладина как на Среднем Востоке, так и в Европе.

УДК 297
ББК 86.38-3

ISBN 978-5-9524-6572-5

© Кобб П., 2014
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 2014

Содержание

Замечание об исламских именах	6
Главные исторические фигуры и династии	7
Пролог	13
Глава 1	18
Мир вверх тормашками	21
Ислам и народы христианской Европы	24
Исламская ойкумена	27
Круг правосудия (справедливости)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пол Кобб

Исламская история крестовых походов

Религиозные войны в восприятии

средневековых мусульман

Посвящается Эмили, которая сразила меня

Paul M. Cobb

THE RACE FOR PARADISE AN ISLAMIC HISTORY OF THE CRUSADES

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Замечание об исламских именах

Несмотря на желание читателей узнать больше об исламской истории, средневековые исламские имена могут запутать даже самых любопытных и настойчивых. Средневековые мусульмане, особенно имеющие благородную родословную, могут называться любым количеством имен и титулов или их комбинаций. Вот пример совершенно обычного средневекового мусульманского имени: Маджд ад-Дин Мухаммед ибн Халид ибн ‘Абд Аллах аль-Тамими.

Все это можно разбить на части следующим образом: Маджд ад-Дин – пример причудливого официального титула, обычно даваемого государственными властями. Такие титулы, как правило, являются конструкциями, содержащими «ад-Дин» (религия, то есть ислам), «ад-Даула» или «аль-Мульк» (государство, царство). В данном случае Маджд ад-Дин означает «Слава Религии», но, поскольку подобные титулы в основном пустые, это не обязательно означает, что носитель имени является особенно славным или религиозным. Мухаммед – имя этого человека для близкого окружения. «Ибн» – означает «сын...» («бинт» в женских именах означает «дочь...»). Таким образом, его отца звали Халид, а деда – Абд Аллах. Имя деда – одно из широко распространенных арабских имен, означающих, что носитель имени является слугой (абд) Бога (Аллах). Часто «Аллах» заменяется одним из прилагательных – так, Абд ар-Рахман – «Слуга Милосердного». Генеалогия была очень важна для средневековых арабов (как и для людей других национальностей), что отражается в их именах, которые могут затрагивать много поколений предков при посредстве ряда «ибнов» и «бинтов».

Наконец, аль-Тамими – это то, что называется нисба – прилагательное, которое может описывать несколько отличительных признаков, таких как место рождения индивида, профессия, секта, племя (в данном случае это слово указывает на происхождение индивида из племени Тамим). Современные авторы нередко отбрасывают «аль-» от нисбы, и в текстах можно встретить как «аль-Тамими», так и «Тамими». Также людям давали целый ряд прозвищ. Мужчин нередко называли по имени старшего ребенка мужского пола, скажем «Отец Юсуфа» – Абу Юсуф («абу» – отец, в женских именах «умм» – мать).

Большинство мусульман в этой книге носят арабские или турецкие имена разной степени сложности. Поскольку книга предназначена для читателей, не сведущих в арабской и исламской истории, я старался по возможности упростить и упорядочить имена. Хотя читатель может убедиться, что при наличии некоторого терпения из имени можно извлечь много ценной информации о его носителе.

По тем же причинам я не использовал пугающие точки, тире и другие значки, употребляемые для передачи нелатинских алфавитов – например, арабского – в латинском алфавите. Исключения – символы ‘ и ’, которые выражают две арабские буквы (‘ аун и bamza) соответственно, у которых нет близких эквивалентов в английском языке. И наконец, если существует твердо установившаяся версия имени или термина, я ее использовал. Так, я везде использовал название Мекка, а не высоконаучное Макка, и Саладин, а не Салах ад-Дин.

Главные исторические фигуры и династии

Аббасиды – суннитская династия багдадских халифов в 750—1258 гг. В период, рассматриваемый в этой книге, власть этих халифов была по большей части символической.

Абд аль-Мумин – первый халиф империи *Альмохадов* в Аль-Андалусе и Магрибе, 1147–1163 гг.

Айюбиды – династия, основанная Саладином. Айюбиды размещались в Египте, но правили большей частью Ближнего Востока, включая Сирию, Северную Месопотамию, Западную Аравию и Йемен, в разные моменты между основанием династии в 1171 г. и ее гибелью в 1250 г. от рук *мамлюков*.

Алексей Комнин – византийский император, правивший в 1081–1118 гг. Его обращение к Западу с просьбой о военной помощи против турок на восточной границе внесло вклад в подготовку Первого крестового похода.

Алп-Арслан – султан великих *сельджуков*, правивший в 1063–1072 гг. Первый турецкий султан, вторгшийся в Сирию, которую потребовал для сельджуков до того, как двинулся на север и нанес поражение византийцам при Манцикерте в 1071 г.

Аль-Адиль – также Сафадин и т. д. Султан Айюбидов (1200–1218). Умер во время кампании против франкского вторжения в Дамьетту.

Аль-Афдаль – титул, носимый несколькими индивидами в этой книге, в первую очередь визирем из *Фатимидов* (1094–1121), который возглавил египетскую кампанию против франков во время и после Первого крестового похода, и сыном Саладина, который служил отцу в качестве полководца и правил как эмир *Айюбидов* в Дамаске в 1193–1196 гг.

Аль-Ашраф Халил – мамлюкский султан, правивший в 1290–1293 гг. Он стал преемником своего отца – султана *Калауна*, и был свидетелем завоевания франкской Акры и изгнания последних франков с Ближнего Востока.

Аль-Бакри – географ из Аль-Андалуса (1014–1094), известный своим описанием Рима и сохранением намного более раннего описания путешествия Ибрагима ибн Якуба.

Аль-Идриси – магрибский географ и ученый, 1099–1161 гг. Служил при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II, составил для него подробный географический трактат, известный как «Книга Рожера».

Аль-Камиль – султан из *Айюбидов*, 1218–1238 гг. Стал султаном, когда франки оккупировали Дамьетту, и впоследствии заключил договор с Фридрихом II, уступив ему контроль над Иерусалимом.

Альморавиды – первая из двух великих берберских династий Магриба и Аль-Андалуса, предшествовавшая Альмохадам, которые их вытеснили. Они правили из своей столицы в Марракеше с 1040 до 1147 г.

Альмохады – вторая из двух великих берберских династий Магриба и Аль-Андалуса после *Альморавидов*, с которыми они сражались и победили. Их резиденция по большей части находилась в Марракеше (с 1130 по 1269 г.).

Аль-Муаззам – правитель Дамаска из Айюбидов, 1218–1227 гг.

Аль-Муктадир – правитель тайфы Сарагоса в Аль-Андалусе, 1049–1082 гг.

Ас-Салих Айюб – известен также как Наджм ад-Дин. Султан из *Айюбидов*, 1240–1249 гг. В борьбе с его родственником *ас-Салихом Исмаилом* его поддерживали союзники из хорезмийских наемников.

Ас-Салих Исмаил – правитель Дамаска из *Айюбидов* в 1237–1245 гг.

Ас-Сулами – сирийский правовед и филолог. Первый мусульманин, проповедовавший против вторжений франков, рассказ которого сохранился. Умер около 1106 г.

Аль-Туртуши, он же Тартуши, – андалусский правовед и политический философ, живший и работавший в Египте Фатимидов, 1059–1127 гг.

Альфонсо I Арагонский – король Арагона и Наварры, правивший в 1104–1134 гг. Получил прозвище *El Batallador* – Воитель – из-за многочисленных военных кампаний против мусульман Аль-Андалуса, в числе которых было завоевание Сарагосы в 1118 г.

Альфонсо VI – король Леона и Кастилии, правивший в 1077–1109 гг. Получил прозвище *El Bravo* – Храбрый. Среди его многочисленных побед завоевание мусульманского города Толедо в 1085 г.

Амальрих I, также известен как Амори – король Иерусалима, правивший в 1163–1174 гг. Он правил франкским королевством Иерусалима, когда оно было в зените своего могущества.

Артукиды, также известны как Ортокиды – династия эмиров, правившая во многих местах Северной Месопотамии, Северной Сирии и Восточной Анатолии в XI и XII вв.

Афонсо Хенрикс – португальский король Афонсо I, правивший в 1139–1185 гг., активный враг мусульман запада Аль-Андалуса.

Ациз (Ацих ибн Увак) – хорезмийский наемник на службе *сельджуков* и *Фатимидов*. Сражаясь за цели Фатимидов в Палестине, он в 1170-х гг. подчинил большую часть Центральной и Южной Сирии, после чего его сверг и убил сельджукский военачальник *Тутуш*.

Балдуин, также известен как Бодуэн, – распространенное имя франкских правителей на Ближнем Востоке. Балдуин Булонский основал франкское государство Эдесса, а позднее стал первым королем Иерусалима (правил в 1100–1118 гг.), став преемником своего брата Готфрида (Годфруа), отказавшегося принять титул короля. Балдуин II Иерусалимский, его преемник, также известный как Балдуин ле Бурк, сменил Балдуина I на посту графа Эдессы (1100–1118), а потом и короля Иерусалима (1118–1131). Балдуин IV, также известный как Балдуин Прокаженный (правил в 1174–1185 гг.), – ранний франкский враг Саладина.

Баркиарук – султан Великой сельджукской империи с 1094 по 1105 г. Он пришел к власти после ожесточенной борьбы, последовавшей после смерти его отца *Маликшаха*.

Баязид, также известный как Баязид I Молниеносный, – султан *Османской империи* в ее ранние годы – 1389–1402.

Баязид был постоянно занят расширением османского контроля на Балканы и в Восточную Европу.

Бейбарс, также известный как аль-Малик аз-Захир, – завоеватель, *мамлюкский* султан, начавший карьеру на службе у *Айюбидов* – у султана *ас-Салиха Айюба*. Во время своего правления Бейбарс завоевал почти все, что осталось от франкской территории на Ближнем Востоке после «реконкисты» Саладина.

Боабдиль – также известный как Мухаммед XII Гранадский. Последний правитель мусульманской Гранады (1487–1492 гг.), резиденции династии *Насридов*.

Боэмунд – распространенное имя среди франкских правителей Ближнего Востока. Боэмунд I Антиохийский, также известный как Боэмунд Тарентский. Сын норманнского военачальника *Роберта Гвискара* стал правителем Антиохии (1098–1111 гг.), захват которой обеспечил, и был выдающимся лидером первого франкского вторжения на Ближний Восток. Боэмунд IV, князь Антиохии, граф Триполи. Эти франкские государства перешли под его власть в 1252–1268 гг. Он открыто стал на сторону монголов во время конфронтации с мамлюками в 1260 г. и был правителем Антиохии, когда она пала перед мамлюками в 1268 г. Правителем Триполи он оставался до своей смерти в 1275 г.

Византийцы – христианское грекоговорящее население продолжения Римской империи, иногда называемого Восточной Римской империей. Столица – Константинополь, основанный Константином Великим в 330 г. В 1453 г. столица была захвачена османами.

Вильгельм II – норманнский король Сицилии в 1169–1189 гг.

Владислав, Владислав III Польский (Уласло) – правил Венгрией в 1440–1444 гг. Убит османами в битве при Варне.

Гарун ибн Яхья – араб, возможно, христианин, пленник византийцев, захваченный в IX в. Он оставил рассказ свидетеля-очевидца о Константинополе и Риме – среди других мест христианского мира.

Ги де Лузиньян – король Иерусалима в 1186–1192 гг. через супругу Сибиллу Иерусалимскую. Правящий король Иерусалима во время великих завоеваний *Саладина* на Ближнем Востоке. Попал в плен в битве при Хаттине, позднее был выкуплен. В 1192–1194 гг. – король Кипра, основатель династии Лузиньянов.

Данишмендиды – туркменская династия, правившая на севере центральной части и на востоке Анатолии в XI и XII вв. Они были соперниками и периодическими союзниками сельджуков Рума.

Дукак (Токак), также известный как Шамс аль-Мулук, – сельджукский правитель Дамаска в 1095–1104 гг. Сын могущественного сельджукского военачальника *Тутуша*.

Жослен (Иосцелин) – распространенное имя франкских правителей на Ближнем Востоке. Жослен I Эдесский, также известный как Жослен де Куртене, граф Эдесский в период ее расцвета – 1119–1131 гг.; Жослен II, граф Эдессы в 1131–1159 гг., правитель франкского государства, когда его захватили Зангиды; умер в тюрьме в 1159 г.

Занги, также известный как Имад ад-Дин, – Юрковский военачальник на службе у сельджуков. Атабек Мосула и Алеппо (1127–1146), отец *Нур ад-Дина*. Отвоевал у франков Эдессу.

Зириды – берберская династия, правившая в Тунисе с 973 по 1148 г., временами участвовавшая в делах на Сицилии.

Ибн Аббад – лидер мусульманского восстания против норманнского правления на Сицилии в первых десятилетиях XIII в. Провозглашен эмиром Сицилии. Возможно, последний мусульманский лидер, имевший власть на острове.

Ибн аль-Асир – арабский хронист с севера Месопотамии (1160–1232). Его труд «Полный свод всеобщей истории» считается одной из стандартных хроник исламской истории.

Ибн аль-Тумна – независимый арабский военачальник на Сицилии. Для получения помощи в войне против своих противников на острове он заключил союз с норманнскими наемниками под командованием *Роберта Гвискара*, которые постепенно завоевали всю Сицилию для себя.

Ибн Асакир – сирийский теолог, юрист, историк (1105–1175). Ему покровительствовал *Нур ад-Дин*, эмир Дамаска. Самый известный из его трудов – «История Дамаска».

Ибн Джубайр – андалусский паломник, пересекший Сицилию и Сирию, в том числе франкские земли, в 1183–1185 гг.

Ибрагим ибн Якуб – андалусский путешественник X в. еврейского происхождения. Отрывки его описаний Западной и Центральной Европы были сохранены географом аль-Бакри спустя много лет.

Иль-Гази, также известный как Наджм ад-Дин Иль-Гази, – тюркский правитель из *Артукидов*, участвовал в ранних мусульманских кампаниях против франков, привел свои войска к зрелищной победе в сражении на Кровавом поле в 1119 г.

Ильханат – части Ближнего Востока под властью монголов (1256–1335), где правили ильханы, лояльные великим ханам Китая.

Калаун, также известен как Калавун, – мамлюкский султан, 1279–1290 гг.

Килидж-Арслан, также Кылыдж-Арслан, Кылыч-Арслан и т. д., – имя ряда султанов сельджуков Рума: Килидж-Арслан I (1092–1107), принявший на себя удар первого франкского вторжения в Анатолию, Килидж-Арслан II (1156–1192), не сумевший остановить франкское вторжение под предводительством германского императора Фридриха Барбароссы.

Конрад III Германский – король Германии в 1138–1152 гг., первый из династии Гогенштауфенов, получивший этот титул. Вместе с Людовиком VII Французским он был лидером Второго крестового похода.

Константин XI – последний византийский император. Он вззошел на трон как представитель династии Палеологов в 1449 г. и правил из Константинополя, когда его захватили османские турки в 1453 г. Умер во время последней осады города.

Короли Тайфы – термин применяется к разным правителям, появившимся как независимые суверены маленьких королевств раздробленного Аль-Андалуса после краха централизованной власти Омейядов в 1031 г.

Курбука – также Кербога и т. д., – сельджукский атабек Мосула, посланный для освобождения Антиохии, которую осадили франки во время их первого вторжения на Ближний Восток. Вызвал недовольство *Яги Сияна* Антиохийского.

Людовик IX, также Людовик Святой, – король Франции, 1226–1270 гг. Возглавил вторжение в Египет *Айюбидов* в 1249 г. и в Тунис в 1267 г., где заболел и умер.

Мамлюки – военное сословие рабов, правившее Сирией и Египтом с 1250 по 1517 г. Их самые активные султаны, в первую очередь Бейбарс, были ответственны за впечатляющие победы против монголов и франков. Они возглавили кампании, изгнавшие последних из них с Ближнего Востока.

Маудуд – сельджукский атабек Мосула, 1109–1113 гг. Возглавил много (в конечном счете безуспешных) кампаний против франков на Ближнем Востоке, некоторые из них – вместе со своим коллегой из Дамаска *Тухтакином*.

Мелик-шах – султан великих сельджуков в 1072–1092 гг. При нем имело место окончательное подчинение сельджуками Сирии. Он назначил туба правителем своего брата Тутуша.

Мехмед II, также известный как Мехмет эль-Фатих, Мех-мет Завоеватель и т. д., – османский султан, 1451–1481 гг. Начало его правления было прервано возвращением на трон его отца, *Мурада II*. Завоеватель Константинополя в 1453 г.

Мурад – под этим именем известны два османских султана: Мурад I (1362–1389) распространил османский контроль с Балкан и погиб в бою при Косово; Мурад II правил дважды: в 1421–1444 гг. и в 1446–1451 гг. Участвовал в продолжительном османском завоевании Балкан и Восточной Европы, в том числе в битве при Варне.

Мухйи ад-Дин, также известный как Ибн аз-Заки, – выдающийся проповедник и религиозный деятель, которого Саладин выбрал для первой пятничной проповеди в Иерусалиме после того, как в городе было установлено мусульманское правление.

Насир и-Хусров, также известен как Насири Хосров и т. д., – персидский поэт, философ, путешественник, 1004–1088 гг. Дал описание мусульманских земель, какими их видел во время своих путешествий в 1046–1052 гг.

Насриды – последняя мусульманская династия Аль-Андалуса, правившая из Гранады (1232–1492 гг.).

Низам аль-Мульк – всемогущий визирь первых великих сельджукских султанов, 1063–1092 гг.

Низар – принц из *Фатимидов* и имам секты «Низари исмаили», 1045–1097 гг.

Нур ад-Дин – сын и преемник атабека Занги на Ближнем Востоке, 1146–1174 гг. Объединил Алеппо и Дамаск, уничтожил халифат *Фатимидов*.

Омейяды – династия халифов, правивших в Сирии в ранние исламские времена – 661–750 гг. Ветвь династии впоследствии правила в Аль-Андалусе из Кордовы, 929–1031 гг.

Орхан – сын Османа Гази и османский султан, 1326–1362 гг.

Осман Гази – основатель Османской империи, 1299–1326 гг.

Осман – династия, основанная Османом Гази, со временем сделавшая своей столицей Константинополь (Стамбул). Правила одной из крупнейших в истории мусульманских империй, просуществовавшей с 1299 по 1922 г.

Раймунд (Раймунд) – имя ряда франкских правителей на Ближнем Востоке. Самый известный – Раймунд де Сен-Жиль, также Раймунд IV Тулузский, 1042–1095 гг., прованский лидер во время первых франкских вторжений на Ближний Восток. Умер во время осады города Триполи, который был добавлен к владениям его семьи. Его потомок, Раймунд III, граф Триполи в 1152–1187 гг., регент Балдуина IV Иерусалимского.

Рамиро I Арагонский – первый король Арагона в Испании, 1035–1063 гг.

Рейнальд де Шатильон – также известен как Рено де Шатильон, и т. д. Князь Антиохии, 1153–1160 гг., правитель Трансиордании, 1177–1187 гг. Неумолимый враг Саладина.

Ричард Львиное Сердце – король Англии в 1189–1199 гг. Вместе с *Филиппом Августом* возглавил поход на Ближний Восток после захвата Саладином Константинополя.

Роберт Гвискар – норманнский герцог Апулии и Калабрии в 1057–1085 гг.

Рожер Салернский – регент Антиохии, 1112–1119 гг. Потерпел поражение и был убит на Кровавом поле.

Руссель де Бейль, также известен как Урселиус, – норманнский наемник и авантюрист, который то служил византийцам, то воевал против них со своих баз в Анатолии. Умер в 1077 г.

Рыдван – сын сельджукского военачальника *Тутуша*, сельджукский правитель Алеппо в 1095–1113 гг.

Саид Аль-Андалуси – юрист, историк, ученый, 1029–1070 гг. Среди его работ «Книга категорий наций».

Саладин, известен также как Салах ад-Дин, – основатель династии Айюбидов, султан в 1174–1193 гг. Известный мусульманский лидер и воин против франков, у которых отвоевал Иерусалим.

Сельджуки – турецкие султаны, правившие на большей части Ближнего Востока двумя ветвями: великие сельджуки, в основном правившие из Ирана, в 1016–1157 гг.; сельджуки Рума, правившие Анатолией из своей столицы в Конье в 1060–1307 гг.

Сибт ибн аль-Джаузи – исламский богослов, правовед, историк. Умер в Дамаске в 1256 г.

Тимур, он же Тамерлан, – тюркско-монгольский военачальник, 1370–1405 гг. С 1399 до 1402 г. он участвовал в кампаниях против мусульманских правителей на Ближнем Востоке.

Тутуш, также известен как Тадж ад-Даула, – могущественный сельджукский военачальник и правитель Сирии в 1079–1095 гг.

Тухтакин, также известен как Тугтегин, – могущественный атабек Дамаска в 1104–1128 гг. Основатель династии Буридов.

Усама ибн Мункыз – мусульманский воин, писатель и дипломат из Шейзара, Сирия, 1095–1188 гг. Он служил многим мусульманским правителям Ближнего Востока и написал собрание автобиографических раздумий под названием «Книга назидания».

Фатимиды – исмаилитская шиитская династия. Первоначально базировалась в Магрибе – в городе Махдия, потом перенесли центр халифата в Каир, который основали сразу после завоевания Египта (969–1171 гг.). Они быстро распространились в Южную Сирию, Палестину и Йемен – и были номинальными властителями Иерусалима, когда франки в 1099 г. подошли к стенам города.

Фахр аль-Мульк – судья (*кади*) и независимый правитель Триполи до его захвата франками в 1109 г. Во время осады города он перебрался сначала в соседний город Джабала, затем в Дамаск и, наконец, в Багдад, где просил о помощи халифа *Аббасидов* в изгнании франков.

Филипп Август – также известен как Филипп II, король Франции в 1180–1223 гг. Вместе с *Ричардом Львиное Сердце* возглавил поход на Ближний Восток после захвата *Саладином* Иерусалима.

Фридрих II – император Священной Римской империи из династии Гогенштауфенов, 1220–1250 гг. В 1198–1250 гг. Фридрих также был королем Сицилии и жестоко подавил мусульманское восстание там, хотя изображал себя исламофилом и вынужденным крестоносцем.

Хулагу – монгольский правитель и военачальник, участник великих монгольских завоеваний Ирана, Ирака, Анатолии и частей Сирии в 1256–1265 гг. Он заложил фундамент монгольского *илъханата* на Ближнем Востоке.

Эль Сид, Родриго Диас де Бивар – кастильский аристократ и наемник, сделавший состояние, сражаясь за христианских и мусульманских правителей на Иберийском полуострове. Правил в Валенсии с 1094 г. до своей смерти в 1099 г.

Юсуф I, также известный как Абу Якуб, – халиф из Альмохадов в Магрибе и Аль-Андалусе, 1163–1184 гг.

Яги-Сиян – сельджукский правитель Антиохии в 1090–1098 гг. Любимец *Тутуша*. Он правил в Антиохии, когда она пала перед франками во время их первого вторжения на Ближний Восток.

Янош Хуньяди – ведущий венгерский воевода и крестоносец, один из лидеров крестового похода на Варну 1444 г., результатом которого стала *османская победа*. Умер в 1456 г.

Пролог

Перекрестки Дамаска

Его внезапное появление застает посетителей Дамаска врасплох. Гигантская современная бронзовая статуя вырисовывается сразу за стенами старого города, под грозными башнями крепости, где жили его потомки. Это статуя Саладина, или Салах ад-Дина, – самого известного мусульманского правителя, прославившегося во время крестовых походов.

Его история представляется удивительной. Это повесть о стремительном взлете от простого незнатного происхождения к вершинам власти. Хотя он впоследствии стал султаном династии Айюбидов в Египте и Сирии, начинал Саладин как простой курдский солдат в армии местного властителя. Он быстро стал самым могущественным военным лидером своего времени, прославившимся победой при Хаттине в 1187 г., позволившей ему захватить Иерусалим и большую часть Палестины после вековой оккупации этих мест крестоносцами. Им восхищаются и на Среднем Востоке, и на Западе, считая его символом государственного деятеля и рыцаря.

Его бронзовая статуя в Дамаске доказывает, что Саладин может олицетворять собой и многое другое. Она была возведена в 1992 г. к 800-летию со дня его смерти и представляет собой фигуру Саладина верхом на коне, в развевающемся на ветру плаще, в сопровождении трех вооруженных спутников. Позади него преклонили колени два пленных крестоносца, на их лицах смирение и покорность. Одна рука Саладина держит поводья несущейся галопом лошади, другая сжимает ятаган. Сам он внимательно смотрит на запад¹.

Это статуя лидера, имеющего мирские и духовные дела, победоносного монарха, который также был благочестивым мусульманином-суннитом. Среди его спутников – мусульманский мистик, он же суфий, олицетворяющий исламские успехи Саладина. И все же статуя установлена в столице Сирии, светского арабского государства, вдохновленного западными моделями и ныне ввергнутого в пучину гражданской войны, еще более ожесточенной из-за противостояния между суннитами и шиитами. Героическая поза Саладина, вызывающая в памяти викторианские гравюры, не имеет корней в исламском искусстве. Да и сама статуя, скорее всего, была бы объявлена идиолом тем самым человеком, которого она изображает. Хотя нам едва ли следует удивляться парадоксам. В конце концов, статуя стоит на холме недалеко от современного сирийского националистического мемориала на площади Мучеников и за углом средневековых ворот старого Дамаска. Это Sharia al-Thawra – Революционный бульвар сирийской столицы, что-то вроде «ничейной земли» исторической памяти.

Для тех, кто интересовался арабскими взглядами на крестовые походы, Саладин долгое время был основополагающей фигурой, причем отнюдь не только в регионе, где происходили эти события. Не одна Сирия предъявляла на него права. Улицы, названные в его честь, встречаются во многих государствах Среднего Востока, в том числе в Иерусалиме и бывшем бастионе крестоносцев – Акре. Его именем называют школы. В Ираке есть целая провинция, носящая имя Салах ад-Дина. В провинциальном иорданском городе Керак, где замки датируются периодом крестовых походов, есть еще одна статуя Саладина, меньших размеров, чем в Дамаске. Здесь он изображен одиноким всадником – его конь поднялся на дыбы, а ятаган рассекает

¹ Общее представление о мифическом образе Саладина – см. Carole Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives* (London: Routledge, 1999), p. 592–600. Там же можно увидеть фотографии описанной здесь статуи. Образ Саладина на Западе – см. Margaret Jubb, *The Legend of Saladin in Western Literature and Historiography* (New York: Edwin Mellen Press, 2000). Образ Саладина в исламском мире – см. великолепную биографию Anne-Marie Eddi, *Saladin*, trans. Jane Marie Todd (Cambridge, MA: Belknap Press, 2011), p. 472–492.

воздух. В Каире, который также был столицей династии Айюбидов, великолепная крепость, украшенная османскими минаретами XIX в., как правило, называется «крепость Саладина».

Многие считают Саладина объединителем и освободителем – средневосточным Симоном Боливаром или Джорджем Вашингтоном. На Востоке сегодня нередко можно услышать жалобу на то, что лидер той или иной страны совсем не такой, как Саладин. Политики Среднего Востока пользуются любой возможностью, чтобы приписать себе частичку обаяния Саладина. Саддам Хуссейн никогда не упускал шанс напомнить людям, что родился в том же городе, что Саладин, – Тикрите. Он даже скорректировал на два года дату своего рождения, чтобы она совпала с 800-й годовщиной со дня рождения Саладина. Государственная пропаганда часто называла его новым Саладином, а в одной иракской детской книжке он именовался «Саладин II Саддам Хуссейн»².

Почитание Саладина на Среднем Востоке сложилось давно. Оно совпало с подъемом «политического ислама» и развитием антизападных настроений, сопровождавших «войну с террором». Мусульманские авторы начиная с XIII в. чтят память о Саладине и его деяниях, особенно в оригинальных трудах, посвященных истории религиозных достопримечательностей Иерусалима и Святой земли, не говоря уже о том, что они постоянно копировали и использовали более ранние труды о нем³.

Тем не менее его имя сделал общеупотребительным современный национализм⁴. Первая биография Саладина после окончания эпохи Средневековья была опубликована в османской Турции в 1872 г. выдающимся турецким националистом и интеллектуалом Намиком Кемалем. Позже она была отредактирована и опубликована вместе с биографиями двух османских султанов, которых Кемаль тоже считал героями-воинами, сражавшимися с врагами империи. Вскоре последовали другие работы, посвященные Саладину, причем многие из них были подвержены иностранному влиянию сэра Вальтера Скотта, чей популярный роман «Талисман» (1825), действие которого происходит во время крестовых походов, изображает Саладина благородным рыцарем. Этот вариант султана получил дальнейшее развитие во время арабского литературного возрождения XIX в., известного как *Nahba* (пробуждение), тем самым подлив интеллектуального масла в огонь зарождающегося арабского национализма.

Создание разными интеллектуальными субкультурами из Саладина в Средние века бренда имело место и на Западе, где его знали, как «сарацина», в котором было больше рыцарских качеств, чем в христианских рыцарях. Показательный пример – фильм Ридли Скотта 2005 г. «Царство небесное» (*Kingdom of Heaven*), получивший исключительно благоприятные отзывы арабской прессы. В фильме Скотта терпимого Саладина сыграл сирийский актер Хассан Массуд, придавший султану спокойствие и невозмутимость.

В результате Саладин сегодня – фигура многогранная, которую разные люди считают очень разной. Саладин XXI в., естественно, имеет страничку в Фейсбуке и почти девяносто пять тысяч «друзей», что намного больше двадцати тысяч его первых последователей, которые привели его к великой победе при Хаттине. Саладин стал глобальной фигурой. Миллионы, по крайней мере, слышали о нем, хотя лишь немногие, даже на Среднем Востоке, знают, скажем, о султанах Нур ад-Дине или Бейбарсе, за плечами которых тоже много военных и дипломатических успехов в борьбе против крестоносцев.

Мировая известность Саладина совпала с растущим интересом к крестовым походам, которым сейчас уделяет внимание все большее число экспертов. В их работах, как правило,

² Об идентификации Саддама и Саладина см. Ofra Bengio, *Saddam's Word: Political Discourse in Iraq* (Oxford: Oxford University Press, 1998), p. 82–84.

³ Идея о том, что современным мусульманам необходимо «напоминать» о Саладине, укоренилась в современной литературе о крестовых походах, но она была опровергнута в труде Diana Abouali, *Saladin's Legacy in the Middle East before the Nineteenth Century*, p. 175–189.

⁴ Eddй, *Saladin*, p. 492–502.

нет небрежностей и подробностей, очевидных в средневековых источниках, и они в основном излагаются как рассказы о героях, сражающихся с разбойниками. Причем понятие, кто является героем, а кто – разбойником, меняется в зависимости от моды. К примеру, в XX в. крестовые походы считались на Западе триумфальной историей, эпическим моментом в неотвратимом подъеме Запада, который принес вечные ценности – благородство, веру, храбрость и мастерство невежественному, коррумпированному и варварскому Востоку. Следы этого похода заметны до сих пор, особенно когда тема крестовых походов затрагивается при обсуждении внешней политики. Сейчас преобладает другое изложение темы крестовых походов. В этом печальном для нас варианте, уходящем корнями в Просвещение, крестовые походы изображаются не благородным приключением европейцев, а дикой атакой фанатичных нетерпимых и лицемерных христиан Запада на несчастный исламский Восток, благородный и пассивный в своей высочайшей терпимости и мудрости, застигнутый врасплох тем, что один историк назвал «последним вторжением варваров»⁵. Это был предвестник европейского колониализма. У большинства людей на Востоке и на Западе сегодня именно такое отношение к крестовым походам. В качестве экстремистского подхода можно привести мнение Усамы бен Ладена, который считал мир, в котором он живет, разделенным между мусульманами и глобальным крестоносным движением, направленным против них. Несмотря на некоторую топорность, этот взгляд имеет много общего с триумфальной историей Запада.

Настоящая книга избегает как одного, так и другого подхода. История, которую она рассказывает, основывается почти исключительно на оригинальных исламских источниках и имеет целью показать, как эти события воспринимались средневековыми мусульманами. Материалов много, но они никогда не использовались последовательно, как основа для собственной истории, частично потому, что ученые просто не могли эти материалы прочитать.

Значение арабских источников для изучения истории крестовых походов признавалось еще со времен Просвещения, и лишь очень немногие труды, посвященные этой теме, обходят их полностью, по крайней мере в переводе. Как правило, западные историки крестовых походов не знают арабского языка и поэтому с трудом ориентируются в довольно-таки замысловатых историографических традициях средневекового мусульманского мира. А историков, работающих на Среднем Востоке, которые, естественно, используют (и публикуют) арабские источники, немного, и их, как правило, редко читают на Западе. Египтянин Саид Абд аль-Фаттах Ашур (Саид Ашур), признанный знаток истории крестовых походов в арабском мире, к примеру, написал более двадцати книг (до своей смерти в 2009 г.), но ни одна из них так и не была переведена. Практически то же самое можно сказать о его сирийском коллеге Сухайле Заккаре (который сам получил образование на Западе)⁶.

Проблема заключается в подходе. Большинство историй крестовых походов, триумфальных или печальных, написано с использованием «традиционного подхода». Хотя этот подход сам по себе включает много разных аспектов, он считает крестовые походы частью средневековой или европейской истории и, что неудивительно, основывается на средневековых европейских источниках. К ним могут добавить разве что несколько пикантных анекдотов из немногих переведенных исламских или восточнохристианских источников⁷.

⁵ Steven Runciman, *A History of the Crusades*, 3 vols. (Cambridge: Cambridge University Press, 1951), I: xi.

⁶ Причины, по которым арабские источники не слишком хорошо известны на Западе, сложны. Не в последнюю очередь это разные стандарты академических изданий и научных знаний, существующие в арабском мире и на Западе. Следует также отметить, что филологические подходы – редактирование и публикация средневековых текстов – как правило, намного больше уважаются в арабской академической культуре, чем на Западе, так что многие работы арабских ученых (Заккар – самый наглядный пример) являются редактурой или исследованием средневековых текстов. Обзор вклада западных востоковедов в изучение крестовых походов – см. Robert Irwin, “Orientalism and Early Development of Crusader Studies”, in P. Edbury and J. Phillips, eds., *The Experience of Crusading*, 2 vols. (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), II; p. 214–300.

⁷ Лучшая попытка классифицировать разные подходы традиционных историков крестовых походов – см. Giles Constable, “The Historiography of the Crusades” in A.E. Laiou and R.P. Mottahedeh, eds., *The Crusades from the Perspective of Byzantium*

В соответствии с традиционным подходом крестоносное движение зародилось в 1095 г. во Франции – в Клермоне, где папа Урбан II начал проповедовать крестовый поход. Тогда он потребовал, чтобы слушатели отправились в вооруженное паломничество, имеющее целью помощь христианам на Востоке и освобождение Святого города Иерусалима от мусульманской оккупации. Участники Первого крестового похода двигались нестабильно, то совершая рывок, то останавливаясь, но в итоге на Среднем Востоке было создано четыре крестоносных государства – на земле, которую они отвоевали у мусульман. Это графство Эдесса (в 1097 г.), княжество Антиохия (в 1098 г.), Иерусалимское королевство (в 1099 г.) и графство Триполи (в 1109 г.). В традиционном подходе присутствует хронологическое изложение истории каждого из этих государств – после побед Саладина начался их быстрый упадок – и крестоносное движение завершается захватом мамлюками Акры и изгнанием последних крестоносцев со Среднего Востока.

Не так давно историки признали существование феномена крестоносного движения и на других театрах военных действий – Альбигойский крестовый поход в Южной Франции (1208–1229) и Балтийские (северные) крестовые походы, начавшиеся в XIII в. Также внимание было направлено на «поздние крестовые походы», которые могли быть направлены против мусульман или нет. Но и в этих трудах традиционный подход оказывает влияние на их исследование крестоносного движения в другое время и в другой обстановке. Эти походы рассматриваются как некие приатки, а вовсе не неотъемлемые части традиционного повествования «Клермон-Акра». Короче говоря, традиционная история крестовых походов была уточнением и совершенствованием повествования, основанного почти исключительно на информации из европейских источников.

Даже во многих современных и более изощренных трудах по исламской истории, включающих крестовые походы, мы видим влияние традиционного подхода. В результате возникла ситуация, в которой крестовые походы представляются неким перерывом, приостановкой в большом повествовании, начинающемся с подъема ислама в VII в. В этом повествовании в конце XI в. европейцы неожиданно набрасываются, словно грубые невоспитанные гости, на ничего не подозревающий Левант, а в конце XIII в. исчезают, не оставив и следа.

Крестовые походы, однако, должны – и могут – восприниматься в контексте исламского мира, как активная часть динамичных отношений между средневековыми исламскими государствами и обществами от Испании до Ирана. Их следует понимать не как экзотический эпизод домоседливой средневековой истории, а как составную часть истории исламской цивилизации. Это предполагает необходимость в географических и хронологических пределах, отличных от тех, что обычно присутствуют в традиционном подходе. Приведем один очевидный пример: средневековые исламские источники (как и многие христианские источники, если на то пошло) никогда не называют рассматриваемые события «крестовыми походами». Такого слова нет в классическом арабском языке. Арабский термин, обозначающий крестовые походы, который используется сегодня, – *Iburub al salibiyya* (крестовые войны), является современным неологизмом. Также арабские источники не считают, что эти события начались с клермонской речи папы Урбана II в 1095 г. и завершились изгнанием крестоносцев из Акры в 1291 г. Для них вторжение в Левант, ассоциирующееся с Первым крестовым походом, было выплеском европейской агрессии, начавшейся десятилетиями раньше, в XI в., в Испании и Сицилии. Эта волна позже дошла до Турции, Ирака, Сирии – Палестины, Египта, Средиземно-

and the Muslim World (Washington, DC: Dumbarton Oaks, 2001), p. 1–22. Отмечу с самого начала, что мое использование прилагательного *традиционный* не следует путать с особой категорией «традиционалистов» – историков крестовых походов, введенной Констеблем. Также не все традиционные обзоры являются обязательно односторонними. Так, например, Jonathan Riley-Smith, *The Crusades: A Short History*, 2nd ed. (New Haven, CT: Yale University Press, 2005) претендует на инклюзивность, а Christopher Tyerman, *God's War: A New History of the Crusades* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006) впечатляет размахом.

морских островов и даже Аравии, а затем повернула к Средиземноморью и Восточной Европе. Точка была поставлена только османскими завоеваниями на Балканах в конце Средневековья и, возможно, даже позже. В общем, предмет этой книги – пути и способы противодействия мусульман новой форме агрессии.

Следует отметить, что эта книга не претендует на всестороннее и всеобъемлющее исследование крестовых походов. Для этого потребовалась бы обширная команда ученых⁸. Это всего лишь попытка изложить историю крестовых походов, как ее понимали средневековые мусульмане⁹. Это вовсе не *мусульманская* история крестовых походов, и уже тем более не история крестовых походов *мусульманина*. Я не мусульманин, и было бы самонадеянно позволить себе рассуждать о том, как мусульмане сегодня оценивают свою историю. Я говорю об «Исламской истории», иными словами, изучаю прошлое людей, живших в исламском мире – в районах, где правящая элита и (обычно) большинство населения были мусульманами.

Начинать историю крестовых походов до того, как они появились и в местах, далеких от Клермона или Иерусалима, – значит почти наверняка сбить читателя с толку. Но именно первичная дезориентация может иногда привести к новым горизонтам. Как статуя Саладина в Дамаске, она застаёт нас врасплох и подталкивает к необходимости узнать что-то новое о нашем прошлом.

⁸ Идея была реализована с некоторым успехом в одном масштабном проекте – Kenneth M. Setton, ed., *A History of the Crusades*, 6 vols. (Madison, University of Wisconsin Press, 1958–1989). Ее стоит повторить.

⁹ В некоторых книгах излагается взгляд на крестовые походы, основанный в основном на арабских источниках, хотя я изложил свое видение проблемы, отличное от моих предшественников: см. библиографический обзор в конце книги.

Глава 1

Обитель ислама

Возможно, Гарун ибн Яхья заблудился или оказался не в то время не в том месте, но он никогда бы не оставил следа в исторических документах, если бы не попал в плен к грекам у побережья Палестины, и было это приблизительно в конце IX в. Возможно, Гарун был мусульманином, хотя некоторые ученые считают его восточным христианином. Его увлеченность цифрами предполагает коммерческий склад ума. Он мог быть ученым, шпионом или чиновником. Нам точно известно лишь одно: после того как его захватили в плен византийские греки, он жил ради того, чтобы рассказывать. Ему принадлежит первое описание Европы на арабском языке, полученное из первых рук¹⁰.

В отличие от большинства пленных, после освобождения Гарун не поспешил вернуться домой, в место, которое мусульмане называли Обитель ислама – *dar al-islam*. Вместо этого он предпочел (или, не исключено, был вынужден) проводить время среди неверных, в Обители войны – *dar al-barb*. Византийцы, захватившие Гаруна, привезли его вместе с другими пленными в Константинополь (современный Стамбул), столицу Византийской империи, греческого христианского соседа и извечного врага *dar al-islam*. После освобождения Гарун сделал несколько осторожных, хотя и весьма романтических наблюдений о вражеском городе, его размерах, богатстве, чудесных памятниках, великолепии императорского дворца и пышности придворных церемоний, а также о некоторых религиозных обычаях. Затем он отправился в большое путешествие – из Константинополя на запад через Балканы в Салоники, мимо «деревни, называемой Венеция» в Рим, который он описал, смешивая реальные факты и легенды, в точности так же, как Константинополь.

К примеру, он упоминает огромный собор Святого Павла, в котором находятся гробницы апостолов Петра и Павла. Далее Гарун сообщает, что в церкви есть высокая башня, увенчанная куполом, на котором сидит бронзовая птица. Когда созревают оливки, ветер дует через эту птицу, издавая громкий звук, заставляющий всех птиц в округе слетаться в город, причем каждая несет оливку, обеспечивая церковь оливковым маслом до следующего года. Представляется, что Гарун не ездил дальше Рима, хотя он повествует, что за Римом – к западу от Альп – расположена земля христианского народа, известного как франки, а за франками лежит земля Британия, которую он называет (не зная о достижениях ирландцев) «самыми дальними римскими территориями, дальше которых нет цивилизации».

Данное Гаруном описание диковин двух столиц христианского мира – Константинополя и Рима – привлекло внимание последующих поколений арабских географов. Труд Гаруна утрачен. Мы знаем о нем только благодаря цитатам более поздних географов. Со временем мусульмане лучше узнали Византию как противника и соседа. Но Рим и другие земли Запада оставались для них окутанными покровом тайны. Около 1070 г., только за поколение до начала Первого крестового похода, описание Гаруна пространно цитировалось географом из региона, охватывающего современную Испанию и Португалию. Мусульмане называли его Аль-Анда-лус – такое название он носит и в этой книге. Тот факт, что андалусский географ аль-Бакри использовал старый рассказ Гаруна как источник информации о Риме и его окрестностях спустя два века после его написания, предполагает, что его сведения о стране и людях, откуда началось крестоносное движение, были, мягко говоря, устаревшими. Знания мусульман о Европе

¹⁰ О путешествии Гаруна рассказывается в географии Ибн Русты: Abu 'Ali Ahmad ibn 'Umar ibn Rustah, *Kitab al-a'laq al nafisa*, ed. M.J. de Goeje (Leiden: E.J. Brill, 1892), p. 119–130. О Гаруне вообще см. *EI2*, s.v. "Harun b. Yahya".

и ее населении, как, впрочем, и о других частях света, были причудливой смесью фактов и вымысла. И только к концу XI в. они стали более точными¹¹.

К этому времени аль-Бакри смог дополнить древнее повествование Гаруна более современной и надежной информацией, хотя мы не знаем, откуда он ее получил. «Город Рим, утверждает Бакри после большого отрывка из Гаруна (возможно, в порядке уточнения), расположен на равнине, окруженной на некотором расстоянии горами. <...> Он имеет 40 миль в окружности и 12 миль в диаметре. Через него протекает река Тибер [Tibrus]». После топографических деталей автор переходит к описанию города и его достопримечательностей:

«Делами в Риме заправляет папа [*al-baba*]. Каждый христианский государь, когда встречается с папой, должен пасть ниц перед ним. Он целует ноги папы и не поднимает головы, пока папа не приказывает ему подняться.

Древний Рим назывался Рома Векья (Roma Vecchia) [Рума Бакия (Ruma Bakiya)], что означает „старый“. Город окаймляла река, и епископ Иоганн построил другой город на противоположной стороне речной долины, и так получилось, что река оказалась в городе. ... В городе Риме есть церковь Святого Петра [kanisat Shanta Patar], где есть изображение Карла Великого [Qurulah] с золотом на бороде и на всех его облачениях, стоящего среди толпы с суровыми лицами, поднятого над землей на деревянном бруссе, как распятия. <...> Стены церкви из желтой римской меди, а колонны и столбы из Иерусалима. Она очень изящная и красивая. Внутри церкви есть придел, построенный в честь апостолов Петра и Павла».

Несмотря на путаницу в некоторых деталях, мы видим довольно точное и узнаваемое описание Рима и собора Святого Петра, которое аль-Бакри, вероятно, получил от очевидцев – монахов или паломников, посетивших родную для аль-Бакри Испанию. Искажено, но тем не менее узнаваемо описание некоторых обрядов латинского христианства, практикуемых в Риме. Учитывая, что для сравнения аль-Бакри служил ислам, его религиозные законы и ритуалы, вряд ли можно было ожидать от автора безусловной объективности. Далее он пишет:

«Христиане начали считать воскресенье особым днем, утверждая, что мессия воскрес в ночь на воскресенье и вознесся на небеса после встречи с апостолами. Они не соблюдают практику обмывания усопших или проведения омовений перед молитвой. <...> Они не принимают Евхаристию до того, как скажут: „Это твоя (имеется в виду мессии) плоть и кровь, а не вино и хлеб“. Никто из них не берет в жены больше одной женщины и не берет наложниц. Если она совершает прелюбодеяние, он может расстаться с ней, а если он совершает прелюбодеяние, она может расстаться с ним – у них нет надлежащего развода. Женщины наследуют две доли, а мужчины – одну...

У них посту не придается большого значения: нет необходимости соблюдать его строго. По их понятиям, его истоки уходят к посту, который соблюдал мессия, как они утверждают, желая защитить себя от сатаны. Но его пост длился сорок полных дней, включая ночи, по крайней мере, так они говорят, но они никогда не постятся хотя бы один полный день или ночь. <...> Даже если кто-то избегает молитв и поклонения всю свою жизнь, никто не говорит о нем плохо и не считает его виновным.

Книга христиан – та, что содержит полный свод их законов... не содержит больше 557 пунктов. Среди них, несмотря на их малое количество, есть выдуманные, которые не имеют смысла и являются совершенно необъяснимыми и никогда не происходили в прошлом или настоящем. Их правила идеального поведения берутся не из откровений или других высказываний пророка, а исходят от государей».

В этом повествовании есть два особенно важных момента. Первый заключается в том, что, несмотря на ошибки, осознание аль-Бакри латинского христианства, его ритуалов и зако-

¹¹ Abu 'Ubayd al-Bakri, *Kitab al-Masalik wa'l-mamalik*, ed. A.P. van Leeuwen, A. Ferris, 2 vols. (Tunis: Dar al-'Arabiya li'Kitab, 1992), II, p. 477–481 (Rome).

нов, является удивительно детальным. Конечно, этого можно было ожидать от мусульманина, прожившего всю жизнь в Испании, где много христиан жило под мусульманским правлением. Да и до границ латинского христианского мира было близко. Другой момент – его понимание отношений между христианством и исламом. Для него христианство во всех отношениях проигрывает. Если для мусульман особый день – пятница, у христиан это – воскресенье. Если мусульмане чрезвычайно требовательны к ритуальной чистоте, христиане – нет. Для мусульман брак и развод – простые открытые договорные акты, в которых доминируют мужчины, у христиан это моногамные эмоциональные общедоступные отношения. В исламском законе женщина может унаследовать половину того, что наследует мужчина, а у христиан (согласно аль-Бакри) наоборот. Христианский пост – шутка в сравнении со строгостями мусульманского рамадана или периодических постов, которые соблюдают мусульмане. А христианский «закон» не является, как в исламе, всеобъемлющим наставлением, определяющим все аспекты жизни, согласно воле Всевышнего, а представляет собой всего лишь собрание королевских указов. В рассказе чувствуется, как сожалеет об этом аль-Бакри.

Наблюдения Гаруна и аль-Бакри о Риме и латинском христианстве – хорошее начало для исламской истории крестовых походов, поскольку они содержат смесь точной информации, ошибок и неточностей и откровенных фантазий, что было типичным явлением для средневековых (не только мусульманских) трудов о других культурах. Сверх того, эта смесь содержит довольно много исходных материалов, которые были развиты более поздними поколениями мусульман, которые старались понять мотивы и характер латинских христиан, вторгшихся в исламский мир и там обосновавшихся. Образованные средневековые мусульмане на самом деле были достаточно хорошо знакомы с Европой и ее народами. И если мусульманские авторы не всегда были точны, сообщая информацию о Европе, латинские христиане, по крайней мере, не испугали их, словно лупоглазые троглодиты – как сказано в некоторых повествованиях о крестовых походах. В целом народы Европы действительно занимали особое и не вполне явное место в мусульманском понимании мира. Но чтобы понять это, следует рассмотреть карты.

Мир вверх тормашками

Насколько нам известно, аль-Бакри не включил карты мира в свой географический труд (хотя он составил интересную схему Иерусалима). Но многие его коллеги-географы составляли карты, которые выглядели примерно одинаково, поскольку их представление о мире было взято из древней эллинистической картографии, в первую очередь из трудов жителя Александрии Птолемея. Возможно, самая известная средневековая исламская карта мира появилась в манускриптах трактата марокканского географа XII в. аль-Идриси, и потому она обычно приписывается ему¹². Идриси написал свой труд уже после начала крестовых походов. (На самом деле труд был выполнен в 1154 г. для Рожера II, христианского короля Сицилии.) Несмотря на дату и удивительно подробное описание Западной Европы, Англии и даже Ирландии, представление автора о мире было в высшей степени условным. Для удобства мы предположим, что таким было типичное представление мусульман о мире вообще и местонахождении их соседей в частности до начала крестовых походов.

Современные читатели при первом взгляде на карту Идриси оказываются дезориентированными. Вроде бы вполне очевидно, что светлые участки – это земля, темные – вода, волнистые линии с ответвлениями – реки. Значит, маленькие светлые пятнышки – разные острова. Темные неровные шарики – должно быть, горы, а длинные, похожие на сороконожек цепи из таких шариков – горные цепи (что же еще?). Это нормальный и доступный способ изображения мира. Но какого мира? Для современного взгляда карта Идриси представляется неземной.

Пока не перевернешь ее вверх тормашками.

И теперь она приобретает смысл. Конечно, направление стрелок компаса – условность. Нет никаких причин – научных или каких-либо еще, чтобы север находился вверху карты. У большинства мусульманских картографов север традиционно располагался в нижней части карты. На наш современный взгляд, их мир был в самом буквальном смысле слова перевернут. Идриси сказал бы то же самое о нашем мире. Карта 1 – это карта Идриси с современными названиями, но ориентированная согласно древней исламской моде. В центре карты мира Идриси, в которой юг сверху, располагается не Иерусалим, как на многих средневековых христианских картах, а Аравийский полуостров и священный для мусульман город Мекка, занимающий центральную часть центрального клайма (одной из широтных зон земли, ограниченной параллельными линиями на карте). Это доказательство совершенства созданной Богом колыбели ислама. В этом мире доминируют не Средиземноморье и Европа, а Индийский океан и Африка, которая вырисовывается на юге на большей части верхней половины карты. Африканский рог простирается далеко к восточному (слева) горизонту, остальная часть континента показана без границ и занимает всю южную часть – однообразная пустота *terra incognita*. Из всего этого континента узнаваемо только средиземноморское побережье Северной Африки, от Египта на востоке до Марокко на западном краю мира. Река Нил течет с юга на север, вдоль нее – два горных хребта. Любопытно изображение истока Нила – он стекает многочисленными ручьями с мифических Лунных гор в три больших круглых озера.

¹² Об Идриси и его картах см. S. Maqbul Ahmed, "Cartography of al-Sharif al-Idrisi" in J.B. Harley, D. Woodward, eds., *The History of Cartography*, vol. 2, book 1: *Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies* (Chicago University of Chicago Press, 1992), p. 156–174. Другая карта мира, составленная в XII в., была недавно обнаружена в *Book of Curiosities*. См. Jeremy Johns, Emilie Savage-Smith, "The Book of Curiosities: A Newly-Discovered Series of Islamic Maps", *Imago mundi* 55 (2003), p. 7–24.

Карта 1. Карандашное изображение карты Идриси с современными географическими названиями

В сравнении с Африкой Евразийский континент с Каспийским морем видится более загроможденным. Топография Ирана, Центральной Азии, Ирака, Леванта и Аравии передана весьма подробно. Анатолия – грубо говоря, современная Турция – выступает «рыхлым» полуостровом на северо-запад, почти касаясь Европы. А сама Европа, пусть даже кажущаяся маленькой и жалкой, все же изображена не менее подробно, чем Азия. Индийский океан с его многочисленными островами явно превосходит картографические возможности Идриси, зато Средиземноморье передано точно: на нем мы видим Крит, другие острова и даже Сицилию. На карте также можно без труда различить Балканский полуостров, тянущийся с востока на запад, итальянский сапог и Аль-Андалус с множеством рек.

Эти части карты Идриси – изображенные подробно – являют собой мир средневековых мусульман. Некоторые современные историки, приспособив греческий термин, называют его исламской ойкуменой, «обитаемым миром», охватывающим Центральную Азию, Средний Восток, Северную Африку и Европу. В целом этот мир был больше, чем представляли себе средневековые европейцы. Естественно, в ойкумене средневековых мусульман доминирующей являлась Обитель ислама – исламский мир, но немусульманские районы тоже были. Ойкумена была огромной игровой площадкой цивилизации, городской культуры и истинной религии, где

уроки древних полузабытых империй Античности усваивались их средневековыми наследниками и где современные государственные деятели мерились силами со своими врагами. Для средневековых мусульман до начала крестовых походов люди, жившие на севере – в христианской Европе, – были далекими и ненадежными участниками игры одной и той же цивилизации, хотя и признанными участниками.

Ислам и народы христианской Европы

Как и предполагает карта Идриси, средневековые мусульманские авторы были сравнительно неплохо информированы о Европе (в сравнении, скажем, с Китаем, Центральной и Южной Африкой), но детали о живших там людях считались неважными¹³. Контекст мусульманских встреч с европейцами-христианами не стимулировал ни одну из групп к попыткам узнать больше друг о друге. Ранние столкновения европейцев и мусульман были военными, когда мусульманские армии в начале VIII в. покорили большую часть Испании и Португалии и вторглись вглубь Южной Франции. Постепенно при содействии пиратов и всевозможных фрилансеров мусульмане сумели создать плацдармы за Пиренеями во Франции. Тому пример – недолгая оккупация Нарбонны (719–759) или намного более успешный захват Фраксинета, что в заливе Сан-Тропе, в начале X в. С этой базы мусульмане совершали набеги в Альпы.

С другой стороны, чтобы узнать больше о франках, логичнее всего было бы использовать купцов. В середине IX в. родившийся в Персии географ Ибн Хордадбех составил один из самых ранних мусульманских рассказов о Европе, которую он называл Уруфа. Его торговые интересы в регионе очевидны. Он пишет, что именно из этой части света привозят некоторые редкие товары, включая славянских, греческих, франкских и лангобардских рабов, меха, ароматы, мастику, кораллы и другие диковины, а также сырье. Кое-что из перечисленного везут еврейские купцы, которые, по его словам, «путешествуют с запада на восток и с востока на запад по суше и морю». Со временем ранние мусульмане стали распознавать разные этнические группы, населяющие Европейский континент: галичан и басков в Аль-Андалусе, славян, болгар и мадьяр на востоке. На севере жили русы и викинги, которых автор назвал ужасными язычниками-огнепоклонниками. Они же – маджусы. На западе он отметил лангобардов и франков – «самых удаленных врагов Аль-Андалуса», каковыми их назвал один ранний мусульманский историк. Название «франки» (по-арабски ифрандж или фирандж) быстро закрепилось за всеми христианскими народами континентальной Европы и Британских островов, в точности так же, как средневековые христиане называли мусульман сарацинами. К началу крестовых походов эти франки уже начали считать себя разными народами – германцами, норманнами, провансальцами и т. д. Мусульманские авторы не остались в стороне и отметили существование англичан (инкитар), германцев (алман) венецианцев (банадика) и т. д.

Фиранджа, земля франков, был небольшой частью Обители войны, но обладала отличительными чертами. Как мы видели на исламских картах, одной из них была удаленность. (Не следует придавать слишком большого значения тому, что мусульманские географы помещали Европу на край мира; ведь средневековые европейские географы тоже помещали Европу на края своих карт в центр в Иерусалиме.) По терминологии более предрасположенных к науке мусульманских географов земля франков занимала части пятого и шестого клаймов (из семи) Обители ислама. Мусульманские ученые верили, что климат, окружающие условия – это судьба и они непосредственно влияют на характер человека. Считалось, что франки, жившие на севере, являются выходцами из регионов постоянного мрака и холода. Автор X в. из Багдада аль-Масуди описывал обитателей северных клаймов как тех, у кого «солнце отстоит далеко от зенита, из числа проникших на север, таких, как ас-Сакалиба, ал-Ифранджа и соседних с ними народов». Это безрадостная часть света. «Сила солнца у них слабеет из-за их отдаленности от него. Их областями владеют холод и влажность, у них постоянно чередуются снега и льды». Бог выделил самые умеренные клаймы для цивилизованных жителей Обители ислама. Что же

¹³ Об отношении мусульман к Европе и европейцам в Средние века см. Bernard Lewis, *The Muslim Discovery of Europe* (New York: Norton, 1982); EI2, s.v. "Ifrandj"; Aziz al-Azmeh, "Barbarians in Arab Eyes", *Past and present* 134 (1992), p. 3–18, CIP, 267–274 (о периоде до крестовых походов).

касается франков, пишет Масуди, «их тела стали велики по размерам, их нравы – строптивыми, глупость возобладала над разумом, их языки тяжелы». Франки жили в холодных домах, «их цвет стал белым настолько, что перешел от белизны кожи к голубизне, глаза также становятся голубыми, а волосы – гладкие и стали рыжими от преобладания влажных испарений». Другие мусульманские авторы разделяли эти убеждения, а многие относили обитателей этих регионов скорее к животным, чем к людям.

В таких условиях религии франков не хватало стабильности. По утверждению Масуди, религиозный фанатизм, а также склонность к ереси (и, что странно, умение хранить тайны) были характерны для всех жителей западного квадранта мира, в том числе для франков. Такие черты считались женственными, поскольку над Западом господствовали женские планеты и Луна. На Востоке, где правит Солнце, людям свойственны мужские черты – долгая жизнь, память, мудрое управление, склонность к науке и, что любопытно, тщеславие¹⁴. Короче говоря, как мы уже видели в описании латинского христианства, принадлежащего перу аль-Бакри, франки были жертвами классической стратегии. Согласно этой стратегии, один народ определяет себя противником другого народа, приписывая ему качества, противоположные собственным. Географическое положение лишь подтверждало, что франки – народ, заигрывающий с варварством, защищенный от бесчестия истинного варварства только развитой религией и, как утверждали некоторые, государственным строительством. Тем не менее они были холодными и мрачными людьми, нисколько не похожими на мусульман.

В качестве таковых франки являли собой, по мнению мусульманских авторов, двойную угрозу. Мусульмане были знакомы с христианами с самого начала исламской истории, но христиане исламского мира согласились подчиниться мусульманскому правителю. Взамен исламский закон дал им статус «защищенного» dhimmis – хотя и второстепенного меньшинства. Так что о них можно было не слишком беспокоиться. Также мусульмане давно и плодотворно общались с немусульманскими воинами с краев мира – берберами и турками, но эти люди постепенно увидели свет, обратились и были с радостью приняты в исламскую цивилизацию. Франки подошли довольно близко к истинной религии и цивилизации, но пренебрегали ими с непоколебимой решимостью, которая удивляла и раздражала мусульман.

Тем не менее в этом смешении полуправды и спекуляций у ранних мусульман была и вполне точная информация о франках. По крайней мере, некоторые мусульманские авторы отмечали, что они едва ли были воинами и являлись врагами славян, как и мусульмане. Это впечатление поддерживали рассказы о сражениях в Аль-Андалусе и Франции. Даже Масуди смог привести относительно точный список франкских королей, безусловно взятый им у франкского источника. Он также отметил, что столицей франков был город Париж (позднее он указывал, что это Рим). Он утверждал, что все франки говорят на одном языке и подчиняются одному королю. Современник Масуди перс аль-Истахри заметил точнее: «Их язык отличается, хотя религия одна и королевство одно, так же как в царстве ислама – языков много, а правитель один». В середине X в. андалусский путешественник Ибрагим ибн Якуб побывал в Европе и оставил подробный рассказ о землях, в которых побывал – и на славянском Востоке, и на франкском Западе¹⁵. В Западной Европе, помимо всего прочего, он отметил зеленеющие поля Бордо, вкусного лосося из Руана, торфяные болота вокруг Утрехта, Фульдское аббатство, языческие празднества в Шлезвиге, торговые обычаи Аугсбурга и местные истории Южной Италии. Ибрагим даже нашел время для Ирландии, хотя его рассказ об ирландском китобойном промысле, хотя и подробный, вряд ли изменил мнение его современников об этом месте.

¹⁴ Комментарии Масуди приведены в его *Kitab al-tanbib wa'l-isbraf*, ed. 'Abd Allah Isma'il al-Sawi (Cairo: Al-Maktaba al-Ta'rikhiya, 1938), p. 21–23.

¹⁵ Об Ибрагиме и его путешествиях см. Anfrй Miquel, "L'Europe occidentale dans la relation arabe d'Ibrahim b. Ya'qub (Xe s.)", *Annales* 21 (1966), p. 1048–1064.

Ибрагим признался, что у него вызвала отвращение нечистоплотность франков, которые, «игнорируя все приличия, моются только раз-два в год холодной водой и никогда не стирают одежду; они ее надевают и снимают, только когда она начинает разлезаться на лоскуты». Он был удивлен тем, что они сбывают бороды, которые потом снова вырастают – неровными и клочковатыми. «Когда одного из них об этом спросили, тот ответил: „Просто волос очень много. Если ваши люди убирают их в интимных местах, почему мы должны оставлять их на лицах?“» В целом Ибн Якуб, похоже, был впечатлен путешествием среди этих красочных «туземцев», равно как и их обширным королевством. Несмотря на холодную погоду и суровый климат, регион показался ему богатым «зерном, фруктами и другой растительностью, а также водой, травой, стадами, деревьями, медом и всевозможной дичью». Там были серебряные рудники и производили мечи острее, чем можно было найти в Индии. Люди подчинялись сильному и доблестному королю, который содержал крупную армию. Его солдаты были храбрыми и никогда не бежали от опасности.

Среди множества стереотипов здесь содержались материалы, с помощью которых мусульмане могли создать портрет франков, отличный от климатического варианта, приведенного выше. То, что они этого не сделали и следующие пять столетий всячески приукрашивали и дополняли тему франкского варварства, так же как латиняне не уставали говорить о варварстве «язычников сарацин», является одним из нематериальных, но тем не менее катастрофических последствий крестовых войн.

Исламская ойкумена

С точки зрения средневекового мусульманского мира земли франков занимали место примерно такое же, как Ближний Восток сегодня в глазах жителей Запада. Для средневекового мусульманина Западная Европа была с виду нищим, можно сказать, «развивающимся» регионом на краю света. Ее населяли воинственные фанатики, приверженцы отсталой религии. Ее экономика не предлагала почти ничего, за исключением дешевых рынков и сырья. В ней можно было найти несколько примечательных памятников архитектуры и эксцентричных обычаев, но не более того. Исламский мир, наоборот, представлялся ему образцовой моделью развитой цивилизации. Это мир богатый, упорядоченный, просвещенный, великолепный и опекаемый всемогущим Господом.

Сравнение не вполне корректно, поскольку исламский мир после 1050 г. был намного больше, чем латинский христианский мир (карта 2). Даже если принять весьма щедрое определение латинского христианского мира, скажем, от Австрии до Ирландии, за исключением Скандинавии и спорных приграничных территорий, площадь составит около 1,7 млн км². Это лишь малая часть самого консервативного определения исламского мира, раскинувшегося от Аль-Андалуса до Ирана. Исключив пограничные территории в Центральной и Южной Азии, на Кавказе и в Африке, получим огромный участок земной поверхности, захвативший три континента, площадью около 12 млн км². Даже принимая во внимание малонаселенные и удаленные районы Сахары и Аравии, представляется очевидным, что исламский мир и латинский христианский мир не могут считаться равными.

Самым наглядным показателем цивилизации был город, и, в отличие от Западной Европы, в исламском мире их было много – везде, где земля могла прокормить постоянное население. Как сказано в путевых заметках путешественников, о которых мы говорили ранее, мусульмане накануне крестовых походов уже не могли не признать существование таких крупных городов, как Рим, и небольших – Руан, Майнц, Прага, Краков. К ним следует добавить места, овеянные мифической славой, такие, как Париж, и чумные поселения, вроде Венеции.

Карта 2. Средиземноморье, 1050 г.

Однако начинающаяся городская жизнь средневековой Европы не могла сравниться со средневековым Средним Востоком, который был одним из самых урбанизированных регионов в мире. Там были не просто города, а сети городов. Средний Восток – как его называют археологи – был «колыбелью цивилизации», где появились первые в человеческой истории сложные городские системы. Начиная с четвертого тысячелетия до н. э., городская культура Древнего Ближнего Востока имела достаточно возможностей развиваться и множиться. В результате к началу крестовых походов во втором тысячелетии н. э. средневековый Средний Восток был не просто наследником античных городов – Иерусалим, Алеппо, Дамаск, но также декорациями для городской экспансии и появления новых городов, таких как Багдад (762) и Каир (969). Нельзя забывать и об исламских городах за пределами Среднего Востока, таких как Тунис в Северной Африке и Кордова в Аль-Андалусе.

Более того, территория средневекового исламского мира изобиловала всевозможными взаимозависимыми поселениями разных размеров и выполняющих разные функции. К 1050 г. они организовались в несколько региональных сетей. Персидская, эллинистическая, римская и прочие городские модели трансформировались после великих исламских завоеваний VII в. и, после приращения совершенно новыми городами, приобрели неповторимый отпечаток исламских урбанистических идеалов. Являясь частью общего римского наследия, многие города средневекового исламского мира были схожи по внешнему виду, планировке и функциям с городами латинского Запада. Но под влиянием других климатических условий, веков исламской истории, а также требований исламских законов и институтов они все чаще отличались от латинского Запада. По всей Северной Африке и Среднему Востоку, к примеру, дома строились из глинобитного кирпича. Камень, как правило, приберегали для таких исламских произведений архитектуры, как мечети, дворцы, фортификационные сооружения и т. д. Дерево использовали редко.

Исламские города также становились больше. Намного больше. О точной численности населения городов мы можем только догадываться. Но можно утверждать, что примерно к 1050 г. численность населения главных городов исламского мира исчислялась сотнями тысяч, а латинского христианского мира – десятками тысяч. В Багдаде на пике развития – в конце IX в. – возможно, жило около 800 тысяч человек, в Каире и пригородах, вероятно, около 400 тысяч человек, в Кордове – 100 тысяч или немного больше¹⁶. В христианском мире, что подтверждает Гарун ибн Яхья, только Константинополь, столица греческой ортодоксальной Византийской империи, приблизился по масштабам к великим исламским городам. В нем жило, наверное, около полумиллиона человек. На латинском Западе, где урбанизация только начала восстанавливаться после упадка городской жизни, связанного с упадком поздней Римской империи, главные города были не больше, чем считавшиеся весьма средними исламские эквиваленты. В 1050 г. даже такие могущественные города, как Рим, Милан и Кёльн, вероятнее всего, имели население, численность которого не превышала 30–40 тысяч. В 1100 г. в Париже и Лондоне жило по 20 тысяч человек, не больше. Исламский Иерусалим, который мусульмане считали сонным, провинциальным городком, хотя и святым, конечно, с населением в 20–30 тысяч человек, вероятно, показался грандиозным франкам, прибывшим туда в 1090 г.

Большие и маленькие города исламского мира имели разное назначение: центры торговли, транспортные узлы, религиозные центры, гарнизонные города, административные районы – или сочетали в себе комбинацию функций. Власть была сосредоточена именно в городах. Кочевники-завоеватели в критические моменты существенно меняли историю исламской цивилизации, но делали это, в основном покидая свои дома в горах и пустынях, захватывая города и оседая в них. Сельские владения лорда, опора и главная характерная черта средневекового Запада, были относительной редкостью в исламском мире. Города привлекали самых разных людей, способствовали формированию обширных торговых и научных связей, а паломничество означало, что любой процветающий город может стать микрокосмом обширной ойкумены.

Средневековый исламский мир был более неоднородным и многоликим, чем Западная Европа. В его городах жили мусульмане, евреи и христиане разного толка, свободные мужчины, женщины и рабы; купцы, паломники, нищие и солдаты. Они могли быть арабами, персами, турками, курдами, греками, славянами, африканцами и даже ирландцами, происходившими из исламского мира или нет. Из многообразие являлось очевидным свидетельством государственного, культурного и экономического успеха исламской цивилизации.

Возможно, именно благодаря большому размаху городской жизни исламский мир был богаче. И в Западной Европе, и в исламском мире общество опиралось на аграрную экономику. В ней земля и доходы (и продовольствие), которые она производила, являлись центральной осью, вокруг которой вращалась вся жизнь. Средневековый Средний Восток обладал преимуществом больших хорошо орошаемых и обрабатываемых аллювиальных равнин, таких как Месопотамия и долина Нила. Хотя Западная Европа и Средний Восток изобиловали торговыми путями по суше и воде, баланс был в пользу исламского мира. Обмен основывался на относительно стабильной и надежной золотой «валюте» – динарии. Восточные купцы являлись непререкаемыми лидерами в межрегиональной торговле предметами роскоши, в которой преобладали специи, медикаменты и ткани с Востока, меха, лес и рабы с Севера и Запада. Кроме того, любая торговля, как и политика, в конечном счете, дело местное.

В исламском мире, как, собственно, и на латинском Западе, местный обмен поддерживал экономику сельского населения, так что крестьяне никогда не были полностью изолированы от городской жизни. Сельское население торговало в городах в основном продовольствием, в

¹⁶ Лучшее обсуждение демографии в средневековом исламском мире – см. Maya Schatzmiller, *Labour in the Medieval Islamic World* (Leiden: E.J. Brill, 1995), p. 55–68.

том числе зерном (главным образом пшеницей, но также ячменем и просом), сахарным тростником, пищевыми маслами, фруктами, овощами, орехами. Также шла торговля и некоторыми видами сырья – хлопком, шерстью, топливом и красками. В отличие от местных рынков латинского христианского мира, экономика исламского мира зарезервировала существенное место для кочевников. Для бедуинов и берберов оно существовало с раннего периода. Позднее к ним присоединились курды, турки и туркмены. В дополнение к таким традиционным для кочевников продуктам, как скот (для еды и работы), шкуры и молоко, эти люди также торговали «услугами». Они предлагали «защиту» деревень, расположенных вдали от более безопасных городских зон, и караванов, а также военные кадры для больших и малых государств, составляющих политическую карту исламской ойкумены.

Круг правосудия (справедливости)

Политическая карта исламского мира в 1050 г. была фрагментарной и разнообразной. И речь шла не только о том, что разные властители правили различными областями дар-аль-ислама (ведь этого и следовало ожидать при столь обширной территории). Дело в том, что разные правители имели разные функции. Тем не менее в мусульманском правлении существовал хотя бы идеал (недостижимый) политического единства и общее чувство цели. Этот идеал наиболее кратко выражен в концепции «круг правосудия», которая представляет собой цикл взаимозависимости, помогающий государству удерживаться на плаву, и часто изображается в форме круга. Хотя концепция уходит корнями в доисламский Ближний Восток, она упоминается во все периоды исламской истории – до, во время и после крестовых походов, на разных языках и в разных частях исламского мира. Краткая версия изложена в следующей ранней максиме из средневекового арабского текста, предположительно цитирующего еще более древний персидский:

Нет правителя без армии;
И нет армии без доходов;
И нет доходов без обработки земли;
И нет обработки земли без правосудия и хорошего управления¹⁷.

Если хотя бы одна часть цикла нарушается, весь государственный механизм остановится. У каждого есть свое место в этом цикле и работа по поддержанию его нормального функционирования. Для правителя это означает поддержание правосудия, справедливости и хорошего управления. Язык максимы подразумевает моральную нравственность управления, что, в свою очередь, предполагает, что хороший правитель будет руководствоваться исламским законом и его толкователями – членами улемы (алимы) – богословами.

В 1050 г. одним из старейших институтов управления была должность халифа. После смерти пророка Мухаммеда в 632 г. халиф стал общепризнанным единоличным правителем мусульманского сообщества, последователем пророка, хотя сам он пророком не был. На практике многие мусульмане оспаривали претензии отдельных индивидов или семейств. Самым примечательным примером является двоюродный брат пророка Али, который считал, что только он и его потомки были законными наследниками пророка и потому должны почитаться как религиозные лидеры – имамы, группа сторонников Али (shi'at 'Ali). Со временем сами шииты стали свидетелями появления отколовшихся линий имамов, таких как движение исмаилитов в X в.

Когда пророк Мухаммед умер, его ближайшие последователи собрались, чтобы выбрать того, кто лучше всех поведет теперь уже оперившееся мусульманское общество вперед в соответствии с догмами ислама – суннами (отсюда сунниты). Первые четыре халифа были выбраны именно таким образом и вошли в историю под названием «правоверные (праведные) халифы». Для многих мусульман они по сей день являются лидерами мусульманского общества в период золотого века, до того как политический и теологический кризис нарушил единство мусульман, и до того как шииты и сунниты пошли по дороге, приведшей их к безвозвратному расколу на секты, отличные по теологии, законам и практической деятельности, каковыми они являются сегодня. Между тем после 661 г. пятый халиф – Муавия – отошел от практики своих праведных предшественников. Он назначил преемником своего сына, тем самым основав первую ислам-

¹⁷ Ihsan 'Abbas, ed., *'Abd ardashir* (Beirut: Dar Sadir, 1967), p. 98. Авторитетное исследование этой концепции – Linda T. Darling, *A History of Social Justice and Political Power in the Middle East* (London: Routledge, 2013).

скую династию – Омейядов. При Омейядах имело место существенное расширение халифата, центром которого стала Сирия – Дамаск. Омейяды были отстранены от власти только в 750 г. Их свергла другая мусульманская династия – Аббасидов. Она же сделала своей столицей (за исключением некоторых коротких периодов) Багдад. Аббасиды утверждали, что происходят по более прямой линии от пророка, чем Омейяды, и потому могут быть лучшими претворителями в жизнь божественного плана, содержащегося в священном Коране и суннах его пророка. Именно представитель династии Аббасидов из Багдада, защитников границ исламского мира, родственников пророка и сторонников истинного (по их мнению) суннитского ислама, находился у власти в 1050 г.

Франкские авторы, по крайней мере вначале, не слишком хорошо разобрались в этой информации и нередко уподобляли халифа папе. Впрочем, некоторые мусульмане делали то же самое¹⁸. На самом деле эти две должности совершенно разные. Хотя халифу принадлежала политическая и религиозная власть, что могло напомнить папу, халифы не были священнослужителями и не выполняли, во всяком случае одновременно, духовные функции и не вмешивались в мусульманские догмы и практику. Халифы на практике не проповедовали джихад, как папы проповедовали крестовые походы, хотя существовала теория, что они должны были, по крайней мере, их санкционировать. Вместо этого они имели тенденцию санкционировать джихад, который проповедовали члены улемы – представители пророка. Учитывая все сказанное, в славные дни халифата они могли, как некоторые самые деятельные папы, лично возглавлять армии. Халифы не тревожили других халифов в их владениях касательно их отношений с клириками, не пытались влиять на их брачную практику и не отлучали от церкви противников и инакомыслящих. На самом деле к 1050 г. вообще делали немного, уже давно избавившись от бремени реальной власти, за исключением разве что символического делегирования административных и военных функций другим людям. Тем не менее халифы оставались для своих подданных яркой эмблемой единства и могущества ислама.

С другой стороны, у халифов была одна общая черта с папами – соперники-претенденты на должность. За века, прошедшие после прихода к власти первого халифа, Праведным халифам, Омейядам и Аббасидам приходилось в то или иное время бороться с претендентами на престол. В двух случаях противоборствующие династии халифов сумели добиться многого и стали править в собственных халифатах – это были, можно так сказать, антихалифы. Так, в 1000 г., помимо халифа из Аббасидов, в Багдаде существовало еще два человека, претендовавшие на титул халифа. Аббасиды, как выяснилось, не были такими неутомимыми, какими были в 750 г., когда пытались свергнуть Омейядов. Одному члену клана Омейядов удалось ускользнуть от Аббасидов и после опасных приключений прибыть в пограничную провинцию аль-Адалуса, где он и его потомки правили независимо, при почти полном невмешательстве со стороны Багдада. В X в. Омейяды из Аль-Адалуса решили закрепить свое положение и назваться халифами. Они правили своими подданными из Кордовы, никогда не забывая, что их предки некогда были халифами Сирии.

Но к тому времени халифов стало больше. Намного ближе к Кордове, чем Багдад – в Северной Африке – появилась новая линия халифов, которые тревожили не только Омейядов, но и Аббасидов. Речь идет о Фатимидах, лидерах движения шиитов, которые при поддержке берберов установили контроль над принадлежавшей Аббасидам провинцией Ифрикия (грубо – современный Тунис). Со временем Фатимиды обратили свои взоры на привлекательную провинцию Египет, где тоже правили Аббасиды, и после недолгой кампании основали там свою столицу – Каир. К 1000 г. Фатимиды – правители Египта – расширили свои владения, включив в них Сицилию, Западную Аравию, Йемен, часть Сирии и Палестины. Спустя несколько десятилетий династия Омейядов в Кордове была уничтожена, их владения распались на мелкие

¹⁸ К примеру, сирийский историк Ibn Wasil, который называет папу «халифом франков» (Gabrieli, p. 277).

государства, правители которых получили название «короли тайфы» (*muluk al-tawa'if*). Стремление каждого, даже самого мелкого из них, к независимости, а значит, к всеобщей раздробленности, казалось бесконечным. Таким образом, накануне первого франкского нападения на исламский мир Аль-Андалус, доселе традиционная мишень франков, распался на враждующие государства, оставив в прошлом память о великом могуществе халифата. Ближний Восток тем временем разделился между шиитской династией Фатимидов из Каира и их извечным противником – суннитской династией Аббасидов из Багдада.

Максима о круге правосудия гласила, что не может быть правителя без армии, и правители дар аль-ислама имели много возможностей выбора. Хотя имелись важные региональные различия, основанные на климатических особенностях, условиях набора в армию и обычаях, армии исламского мира имели много общих структурных черт. В целом исламские армии 1050 г. существенно различались по размеру и имели больший процент пехоты, чем веком раньше. Исламские пехотинцы использовали луки и стрелы, а также мечи, но самым смертоносным оружием в их арсенале были копья. Тяжелая кавалерия была известна в исламских армиях, но предпочтение отдавалось легкой кавалерии, в первую очередь конным лучникам. Такие войска обычно набирались из двух разных социальных групп – рабов и кочевников.

Использование войск из числа рабов (*gbilman* [ед. ч. *Gbulam*] – мамлюков) имеет давние корни в исламской военной истории. Как правило, они появлялись в мусульманском мире как военнопленные немусульманского происхождения, которых затем продавали мусульманам. После принятия мусульманства пленные, обладающие нужными навыками и физической силой, освобождались и использовались в качестве солдат, командиров и даже губернаторов. Будучи иностранцами, недавно принявшими ислам, мамлюки не имели ни местных связей, ни территориальных претензий и были беззаветно преданы командирам. Происходя из рабов, они зависели от своего командира или правителя, бывшего владельца, ставшего начальником, которому они служили верой и правдой. И если исламский мир был не единственным регионом в Средние века, где использовали такие войска, только здесь их использовали в таком огромном масштабе. Мамлюков обычно набирали на центральноазиатских границах. Турки этого района особенно ценились за их навыки конных лучников. Но в отсутствие турок мамлюков можно было набрать и из других этнических групп, к примеру африканцев или славян, которых было немало в армиях Египта при Фатимидах.

Что касается вспомогательных подразделений кочевников, их набирали из бедуинов (в Северной Африке и Аль-Андалусе) и берберов, с которыми разные правители заключали союзы. Такие войска обычно не были частью регулярной армии. Будучи более автономными и менее надежными, они должны были служить, когда их призывали к этому лидеры племен. Поскольку кочевники также обладали рядом чрезвычайно полезных навыков, их высоко ценили как легкую кавалерию. В регионах, где пастбищ мало, как в Египте Фатимидов, войска из кочевников играли меньшую роль, чем в государствах, к которым примыкают зоны проживания кочевников, например в Сирии. Что же касается военно-морского флота, его было мало во всем исламском мире. Исключение – Египет Фатимидов, который, пока не истощились запасы леса, мог похвастать одним из самых крупных флотов своего времени – наряду с Византией. Одна из центральных проблем, с которой сталкивался любой правитель, – как платить этим войскам. Имеется в виду регулярная плата, а не «приработок» в виде военной добычи. К 1050 г. доходы поступали почти напрямую от земледельцев в карманы армии или, по крайней мере, ее лидеров. Эти доходы получались при посредстве института под названием *икта*, хотя разные режимы использовали *икту* с разной степенью частоты. Современные авторы часто переводят «икта» как «фьеф», но *икта* отличается от *фьефа* в средневековой Европе. В отличие от средневекового *фьефа*, держатель *икты* не был настоящим правителем, а, скорее, отсутствующим землевладельцем, который жил в городе и тратил свои доходы там. *Икта* – это не собственность, а временная передача прав, чтобы получать доходы с данного участка земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.